

Символика звука в повести Н. Берберовой «Роканваль»

Малыхина Элеонора Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для творчества Н.Н. Берберовой огромное значение имеет концепт звука. Эта художественная особенность проявляется на разных уровнях текста: тематическом, композиционном, символическом и др. В повести «Роканваль» (1936), относящейся к раннему периоду творчества писательницы, через звук выражена идея потерянности поколения. Разорение Роканваля, замка, находящегося в собственности у французской семьи с русскими корнями, – это не только потеря семейного имущества, но и утрата старых моральных ценностей, семейных традиций, русского духа и некой неуловимой духовности, веками окутывавшей замок, чего-то такого, *чего давно уже нет, ни здесь, ни в моей стране, нигде на свете* [Берберова: 212]. К такому выводу приходит главный герой произведения – эмигрант Борис, приехавший в этот замок к своему другу Жан-Полю. Раскрывая проблему утраты дворянских гнезд, автор опирается на традиции Тургенева, Чехова и – несколько неожиданно – Э. По («Падение дома Ашероу»).

В поэтике «Роканваля» особую функцию приобретает звуковая палитра. Символика тишины связывается с благополучием и спокойствием, а любой возникающий звук, вторгающийся в пределы замка, становится предвестником несчастья. Как только речь заходит о неудачах и трагических событиях, касающихся самого Бориса или семьи Жана-Поля, Берберова сразу же начинает вводить в описание происходящего яркие звукообразы. Эта закономерность последовательно выдерживается на протяжении всего текста, становясь выразительным композиционным маркером, оформляющим изображаемые события как цепь действий, приводящих к гибели «старого гнезда» [192].

Тишина – значимое отсутствие, точка отсчета для всего происходящего: именно с описания беззвучного замка и начинается повествование. Вначале присутствуют исключительно визуальные образы. Звуков не просто нет – подчеркнуто их полное отсутствие: *Я увидел крепость, <...> мертвые башни, оборванные водосточные трубы, плещ, разлегшийся по крышам, и молчание – это было молчание ночной птицы в солнечный день* [184].

Но звуки постепенно врываются в пределы замка. С началом перемен герой отмечает про себя, что *птицы невыносимо шумели в саду* [191], затем он влюбляется в Киру, *от влажного голоса которой стучит* [191] его сердце. Киру и Бориса как-то раз удивил *страшный шорох, тихий звук* [194]. Следует не менее страшное объяснение: червяки подтачивают Роканваль изнутри. И *звон велосипедного звонка телеграфиста* [195] возвещает о том, что Кира должна покинуть Роканваль. Уезжает она с *адским шумом* [196], и Борис после отъезда думает о том, как *где-то шумел ее поезд* [196]. Шум становится символом разлуки.

Однажды ночью Борис направился в сад и, пытаясь «соответствовать» законам замка, *бесшумно оделся и, стараясь не шуметь, вышел* [196]. И опять-таки звук – *мирный ход автомобиля по низовой дороге* [197] – возвещает несчастье: приехал дядя Роберт, разоритель замка. Он громко жует, и *мясо визжит под его ножом* [198]. Пытаясь проверить, француз ли Борис, дядя просит его произнести слово «гопгоппер», что по-французски означает 1) мурлыкать; 2) урчать (о моторе). Семантика звука, таким образом, становится крайне насыщенной. С этим урчанием опять связывается нечто грозное, разрушительное.

С наступлением осени чужеродные мистические обезличенные звуки все больше заполняют замок: в трубе начинает выть, в саду – скрипеть и хлопать. В какой-то момент герой отмечает: *И тогда со мной случилось что-то странное, я потерял чувство времени* [210]. Вопрос хронотопа, таким образом, становится показательным для

литературы русского зарубежья: эмигранты в поисках места, теряют чувство времени, ощущая себя как бы в небытии.

Роканваль как архитектурный памятник незыблем и тверд, он существует в вечности, ему не важен ход времени, он состоит из того, что можно увидеть, потрогать, ощутить, а суетные переменчивые невидимые звуки, являющиеся инструментарием временного искусства – музыки – и символом непостоянного, сиюминутного, лишь нарушают всеобщую гармонию, вступают в конфликт с бытием и вечностью (это столкновение можно обозначить как конфликт места и времени). Борис, уезжая из замка, отмечает: *Все, что покидал я в тот час, так печально и безнадежно затихало за мною, затихали наши комнаты, затихали гостиные в чехлах <...>* [212]. Роканваль будто стремится обрести былой покой.

Звук – знак перемены и символ современности. Для Бориса Роканваль – это, по его собственному признанию, образ России, которую он помнит весьма смутно, но в его голове живы образы русской жизни, вычитанные из произведений знаменитых писателей. Поэтому история падения Роканваля – это также и символическая история судеб эмигрантов за рубежом, утрата старой России с ее крепкими дворянскими гнездами. Символом разрушения становится всепроникающий звук – неконтролируемая субстанция. Для понимания рассказа чрезвычайно важен чеховский код. «Роканваль» Берберовой во многом опирается на рецепцию «Дома с мезонином» Чехова. Интертекстуальными маркерами, доказывающими эту связь, становятся следующие соответствия: прямое упоминание того, что Борис читал Чехова (впоследствии ему кажется, что он увидел прочитанное в Роканвале воочию), а взаимоотношения Бориса и Киры напоминают историю художника Н. и Мисюсь. Сближает оба произведения и эмоциональный колорит: тоска по невозвратному прошлому. Таким образом, берберовское исполнение доминирующего мотива (мотива утраты) в звуковой символике становится семантически насыщенным приемом, так как звук – это нечто мерно затихающее, зависящее от момента и с течением времени же исчезающее, становящееся «пустым звуком», символом нереализованных возможностей и утраченного прошлого.

Литература

Берберова Н. Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. М., 1999.